

Глава 15. Деяния злодея

Тогда И Цзян бросился на помощь, повинувшись первому порыву — в толпе кто-то пострадал, и раздумывать было некогда. Но раз обе девушки твердили, что порыв ветра возникал в те моменты, когда они оставались в полном одиночестве, не был ли и тот сквозняк, что встретил его в коридоре, частью той же чертовщины?

— Да это же обычное «воздушное лезвие», делов-то! — беспечно фыркнул Сяо Бай. — Ну, знаете, когда потоки воздуха влетают через двери с разных сторон, сталкиваются и закручиваются в такой маленький вихрь. Или когда скорость ветра превышает критическую отметку... Там еще есть теории про конвекцию, восходящие циклоны и прочее. В общем, воздух превращается в лезвие и режет всё на своем пути. Вот вам и травмы!

— Заткнись, — осадил его Гун Ци и повернулся к И Цзяну. — Ветер говоришь? Сейчас почти осень, но в наших краях сильных ветров не бывает. Мы же в холмистой местности, тут горы и леса служат естественной преградой. Даже сквозняки обычно вялые.

— Сегодня днем ветра точно не было, — подтвердил Цинь Чжэн. — Помню, такая духота стояла, я еще думал — не пойдет ли дождь? Воздух будто замер.

И Цзян нахмурился.

— Если это чья-то злая шутка, то ветер мог быть лишь ширмой. Например, какой-то механизм. Сначала резкий порыв в лицо — человек инстинктивно зажмуривается или прикрывает глаза руками, чтобы не запорошило песком. И вот, когда жертва ничего не видит, преступник наносит удар.

— Исключено, — игриво покачал головой Цинь Чжэн. — В хранилище еще можно что-то спрятать, но как поставить ловушку в коридоре? У нас в библиотеке они пустые, просматриваются из конца в конец. Чтобы создать такой поток воздуха, нужен как минимум промышленный вентилятор. Такую дуру за версту видно.

— К тому же обе девушки из одного класса, — добавил Гун Ци. — Похоже на спланированную атаку против конкретных людей.

— Слушайте, вы, — недовольно заворчал Сяо Бай, — хватит нагонять жути! Мы пришли сюда поглумиться над Сяо Цзяном, которого замели копы, и заодно косточки перемыть этому Линь Цзэ. Какого черта у нас тут следственный комитет образовался?

— И то верно, — согласился Цинь Чжэн. — Расследование — не наша забота. Пусть у администрации голова болит.

— Но сможет ли этот тип хоть что-то выяснить? — И Цзян не скрывал беспокойства. — Он же

несет какую-то чушь, не считаясь с чувствами людей. Взял и ляпнул, что мы с той девушкой — любовники и выгораживаем друг друга...

— Линь Цзэ — пустозвон, это факт, — кивнул Гун Ци. — Но вот его напарник — человек дельный. Жаль, он сейчас в командировке, иначе этот клоун и носа бы не высунул.

— Да откуда он вообще взялся? Как такого самодура поставили во главе школьного участка?

— Я же говорил — мажор, «второе поколение», — пояснил Гун Ци. — Его отец, на самом деле, человек приличный: не кичится властью, ведет себя тихо, в общем — прожженный аппаратчик с железной выдержкой. Но вот сынок... С детства бредил детективными романами, возомнил себя Шерлоком, хотя таланта — ноль. Кое-как закончил полицейскую академию, пристроили его в городское управление. Думали — пойдет в гору под крылом отца, но он облажался на первом же деле. Квартирный грабеж. Линь Цзэ забил на советы ветеранов, ударился в «высокую дедукцию» и упустил банду гастролеров, которую можно было взять тепленькой. Отец понял, что сыщик из него никакой, и через связи перевел его в нашу Академию. Тут работа пыльная — разве что прописку студентов проверять. Но он же не уймется! Стоит где-то мухе чихнуть, Линь Цзэ тут как тут — несется со своей лупой, как цепной пес.

И Цзян посмотрел на Гун Ци с невольным уважением.

— Ты даже подноготную полиции знаешь... Ну и сплетник же ты.

— При чем тут сплетни? — возмутился тот. — Об этих его «подвигах» знает каждый уборщик в Академии.

— Это еще почему?

Гун Ци бросил многозначительный взгляд на Цинь Чжэна.

— Потому что этот бедолага в первый же день умудрился оскорбить человека, которого трогать категорически не стоило. Его тут же деанонимизировали. Всю его биографию, включая детские проступки, вывесили в топе на школьном форуме, а потом еще и распечатали буклетами — по штуке в каждую руку.

И Цзяна пробрал озноб. Он невольно вспомнил старую поговорку: «Нет ничего опаснее разгневанного...» — и решил не продолжать мысль.

— Похоже, дело сдвинется только с возвращением нормального детектива. А пока школе придется как-то успокаивать народ.

— Но что будет с девушками? — И Цзян вздохнул. — Они же обе учатся игре на пипе. С такими ранами на руках... смогут ли они вообще восстановиться?

— Не недооценивай нашу медсанчасть, — вставил Цинь Чжэн. — Хоть она и крохотная, там есть отличные операционные и спецы всех профилей. Наши врачи — сплошь элита. Когда в Академии затишье, они подрабатывают в городских центрах как ведущие хирурги и консультанты.

— В обычной школе — эксперты мирового уровня? — удивился И Цзян. — Обычно же всё ограничивается зеленкой и справками от простуды.

— Мы находимся у черта на куличках, — пояснил Гун Ци. — Если студент получит тяжелую травму, везти его в центр — гиблое дело. Больше часа по горным серпантинам... На таких дорогах не разгонишься. Поэтому Академия держит штат первоклассных хирургов на экстренный случай. Оперируют на месте, а потом уже переводят в город.

— Значит, их переведут?

— Да. Вчерашнюю уже отправили в Первую народную, сегодня и вторую увезут. С такими руками им в любом случае светит только академический отпуск.

Четверка проболтала до полуночи, так ни к чему и не придя. В двенадцать И Цзян и Сяо Бай вернулись в свою 502-ю. Закончив с водными процедурами, И Цзян замер перед своей кроватью. Две ночи подряд — кошмары, и следом — беда. Что ждет его сегодня?

Поколебавшись, он приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Комната Сяо Бая была распахнута, в ванной горел свет и шумела вода. Тогда И Цзян, по-воровски прижимая к груди подушку и одеяло, просочился в логово соседа. Одним движением скинул чужую подушку на пол и зарылся в матрас, свернувшись плотным коконом.

— Чего?! — Сяо Бай, вернувшись, остолбенел. — Ты что тут забыл? Это моя кровать!

— Ну... — И Цзян неловко высунул нос из-под одеяла. — Давай сегодня поменяемся комнатами.

— С какой стати?

— Завтра готовлю на заказ. Что захочешь, то и сделаю.

Сяо Бай картинно задрал подбородок.

— Хм! Неужели ты думаешь, что я продам свою обитель покоя за один несчастный ужин?

—...

— Как минимум — завтрак, обед и ужин!

— По рукам!

«Дешево отделался», — подумал И Цзян, засыпая. Всё равно ведь кормить этого троглодита, просто придется подстроиться под его вкусы. Он быстро провалился в глубокий сон, уверенный, что на новом месте кошмары его не достанут.

Он пришел в себя на крыше. Огляделся: характерная форма здания не оставляла сомнений — это кровля библиотеки. Обернувшись, он увидел девушку. Каштановые волосы, белое платье... Облик показался ему болезненно знакомым.

— Вчера я сопровождала Сяо Юй в клинику... на аборт... — заговорила она. В её голосе дрожала глубокая печаль. — Она сказала, ребенок от тебя. Она не хотела этого делать, ведь в следующем месяце выпуск, в школе никто бы и не заметил.

И Цзян стоял в полном недоумении. Вокруг — ни души, только он и эта незнакомка. Она обращалась именно к нему, и взгляд её был полон такой ненависти, словно она хотела растерзать его на месте.

— Я...

Он хотел было оправдаться, но девушка перебила его:

— Но Сяо Юй призналась... Ты сказал ей, что если она не избавится от плода на этой неделе, ты развонишь об её беременности всей Академии! И еще... Ты заявил, что ребенок — не твой?!

И Цзян хотел закричать, что она обозналась, что он знать не знает никакой Сяо Юй. Но когда он открыл рот, из него вырвались слова, от которых у него самого застыла кровь в жилах.

— Не мели чепухи, я к ней даже не прикасался, — голос И Цзяна звучал раздраженно и сухо. — Я тут вообще пострадавшая сторона. Мою бабу огулял кто-то другой, а счета выставляют мне? Каждый день смотреть на чужого выродка и слышать, как он зовет меня папой? Ни один мужик такого не потерпит.

— Ты думаешь, Сяо Юй из тех, кто ложится под первого встречного?! — Девушка вспыхнула от гнева. — В прошлом месяце, после вечеринки в твоём доме, она осталась у тебя на ночь. Наутро она вернулась и сияла от счастья! Она была уверена, что после выпуска вы поженитесь!

— В тот день... — И Цзян потянулся к карману за сигаретами, но не нашел их. — В тот день мой брат перебрал лишнего... Обычная случайность. Я ей всё объяснил. Мы взрослые люди, к чему этот драматизм? Свадьба? Да ради бога, я бы даже закрыл глаза на то, что она не девственница, но этого щенка быть не должно!

— Ты вообще человек?! — Девушка рванулась вперед и вlepила И Цзяну звонкую пощечину. — Случайность? Ты хоть знаешь, какой счастливой она была в то утро? Она любила тебя, а ты вышвырнул её чувства на помойку, назвав это «случайностью»? Угрожал позором? Да когда ты заявил ей, что в ту ночь с ней был не ты, она хотела руки на себя наложить! Если бы я не пришла вовремя...

— Ой, как ты надоела! — И Цзян грубо оттолкнул её. — Подумаешь, трагедия. Если бы я знал, что она такая проблемная, я бы вообще с ней не связывался!

— Проблемная?

— Я выбрал её, потому что она казалась тихой и послушной, — его собственный голос теперь внушал ему ужас. — Предки зудели, мол, пора остепениться, жениться после выпуска. Такая бы дома сидела, за стариками ухаживала, им бы в радость было. Думал — девка с головой дружит. А она, дура, такой скандал подняла. Теперь всем неловко. Она же меня позорит!

— Ты...!! — Девушка закусила губу почти до крови. — Ты мразь! Сяо Юй была слепа, раз полюбила такое ничтожество!

— Хм, ну теперь можешь поздравить подругу — она наконец прозрела.

Девушка внезапно успокоилась. Её голос стал ледяным:

— Я навела справки. Как только ты узнал о беременности Сяо Юй, ты тут же переключился на Чжань Цзюань со Смешанного художественного отделения?

— Всегда нужен запасной вариант, — ухмыльнулся И Цзян. — Хочешь испортить мне игру? Зря. Та девка еще глупее Сяо Юй. Стоит мне сказать, что вы с подружкой затаили на меня обиду из-за разрыва и теперь поливаете меня грязью — и дело в шляпе. Она с другого факультета, кого она послушает: своего парня или брошенную бабу, жаждущую мести?

— Думаешь, я такая же идиотка? — холодно бросила она. — Я не позволю тебе сломать жизнь еще кому-то.

Она развернулась и направилась к двери. И Цзян рванулся следом и мертвой хваткой вцепился в её руку.

— Ты... Ты записала наш разговор? У тебя в сумке диктофон?!

— Пусти! — вскрикнула она, побледнев.

— Отдай сумку! — И Цзян рванул ремешок, висевший на её плече. Девушка отчаянно вцепилась в свою вещь. И Цзян с силой толкнул её; она отлетела и врезалась в металлическую дверь. Перехватив сумку, он лихорадочно принялся рыться в ней, вытряхивая содержимое прямо на бетон. В мертвенном свете прожекторов он искал записывающее устройство.

Девушка вскочила, схватила свой телефон и бросилась к лестнице. И Цзян перехватил её, дернув за каштановые волосы, и швырнул на пол.

— Дрянь! Вечно ты лезешь не в своё дело!

В груди вспыхнула слепая ярость, затопив разум. Он подобрал упавшую из косметички бритву для бровей — тонкое лезвие в пластиковой оправе.

— Хотела поиграть в спасительницу?

Навалившись на неё всем телом, он прижал её руки к бетону и принялся полосовать их лезвием.

— Нет! Мои руки! — закричала она, отчаянно извиваясь и пытаясь вырваться. — Не трогай руки! Мне нужно играть...

Но её мольбы лишь раззадоривали его, пробуждая звериную жестокость.

— Лезешь не в своё дело! Не в своё дело! Получай!

Бритва была не слишком острой, но мужская сила превращала каждый удар в глубокую, рваную рану на тонких девичьих запястьях.

— Проклятая сука! Будешь знать, как мешаться под ногами!

Кровь хлынула на её белое платье, на серую пыль крыши, брызнула ему на лицо. Он не останавливался, пока тонкое лезвие не согнулось, придя в негодность. Но гнев не утих — отсутствие инструмента лишь распалило его еще сильнее.

Он вскочил, схватил её за волосы и поволок к краю крыши. Девушка, чьи руки превратились в кровавое месиво, пыталась уцепиться за его запястья, её ноги бессмысленно скребли по бетону, оставляя за собой багровый след. Он рывком поднял её и начал прижимать к парапету. Она истошно кричала, забыв о боли в руках, и мертвой хваткой вцепилась в ржавые прутья надстройки.

Ограждение на крыше было невысоким — всего метр кирпичной кладки, на которую позже наварили железную решетку. Но старые крепления давно прогнили под дождями. И Цзян перехватил её за ноги и с силой толкнул в пустоту. Решетка не выдержала: скрежеща, она вырвалась из бетона и вместе с девушкой рухнула наружу.

— Нет! Помогите! — Это было последнее, что она успела выкрикнуть.

Когда секция забора повалилась вниз, один из острых железных крюков вошел ей в спину. Тело соскользнуло ниже. Железо рвало плоть, проходя от лопатки к затылку. Острый штырь вонзился в основание черепа, намертво зацепившись за кость. Секция ограждения застряла, зацепившись за уцелевшие опоры.

Девушка повисла в воздухе. Её голова, пробитая стальным крюком, оказалась прямо под подоконником десятого этажа, а ноги беспомощно болтались над окнами девятого. Она была еще жива: ноги судорожно дергались, изувеченные руки ловили пустоту. Она не могла издать ни звука — только её глаза, широко распахнутые и полные агонии, закатились вверх, пытаясь увидеть того, кто сотворил это с ней.

И Цзян с холодной ненавистью смотрел вниз на её предсмертные конвульсии. В этот момент какой-то яркий блик сорвался с её тела и полетел в бездну. И Цзяну показалось, что он падает вслед за этим светом — не на землю, а в бесконечную, черную пучину.

<http://bllate.org/book/17421/1657626>